

КУЛЬТУРА и ЖИЗНЬ

„Игрокъ“ Достоевскаго

(Въ свѣтъ новыхъ біографическихъ данныхъ).

Нельзя не видѣть, при внимательномъ отношеніи къ «Игроку» Достоевскаго, что необычайная личная заволнованность пронизываетъ повѣствованіе всюду, гдѣ на сцену появляется Полина. По словамъ А. Гр-вны Достоевской, Федоръ Михайловичъ говорилъ ей во время работы надъ «Игрокомъ», что «много изъ его чувствъ и впечатлѣній испыталъ самъ на себѣ». Относилось ли это признаніе только къ его страсти къ игрѣ, или сюда входила и страсть къ женщинѣ? Образъ Полины исключительно-ли продуктъ творческаго воображенія или отображеніе и личнаго опыта? Этотъ вопросъ приобретаетъ тѣмъ большее значеніе, что черты Полины и позже повторяются въ женскихъ образахъ Достоевскаго (Аглая, Грушенька).

Въ изображеніи этихъ образовъ легко подмѣтить столь напряженное, почти страдающее чувство, что невольно зарождается убѣжденіе: у Достоевскаго въ жизни должны были быть встрѣчи и сближенія, о которыхъ мы или ничего не знали, или то, что знали — только внѣшніе факты, не освѣщенные всей глубиной пережи-

таго. И если образъ Полины («слѣдокъ ноги у ней узенькій и длинный-мучительный») первый въ ряду «мучительныхъ» женщинъ Достоевскаго, то не слѣдуетъ ли внимательно взглянуть въ тотъ періодъ жизни его, когда слагался замыселъ «Игрока», и поискать въ немъ объясненія тому изумительному проникновенію Достоевскаго въ женскую душу, которымъ отличается онъ въ своемъ творчествѣ.

Годы 1836-1866, періодъ замысла и написанія «Игрока», были наиболѣе мрачными, послѣ каторги, годами жизни Достоевскаго. Это годы заперченія «Времени» (май 1863), смертельной болѣзни и смерти жены (16 апр. 1864 г.), неудачи съ новымъ журналомъ «Эпоха», внезапной смерти горячо любимаго брата, Михаила М-ча (10 июня 1864 г.), за нею смерти Анол. Григорьева (сент. 1864) и, наконецъ, крушенія «Эпохи», поставившаго Достоевскаго въ безвыходное матеріальное положеніе.

Этотъ сложный періодъ жизни Достоевскаго, — «вся жизнь переломилась надвое» — такъ онъ характеризовать самъ его, однако чрезвычайно слабо освѣ-

шень въ его биографіи. Особенно темнымъ мѣстомъ оставалось до послѣдняго времени въ этомъ періодѣ второе заграничное путешествіе Достоевскаго (авг.-окт. 1863 г.). Внимательное изученіе переписки Достоевскаго этого времени не оставляло сомнѣнія, что съ этимъ путешествіемъ связаны канія-то «особенныя обстоятельства», которыя тщательно скрывались отъ окружающихъ. Съ этимъ же временемъ совпадаетъ увлеченіе Достоевскаго игрой въ рулетку. Хотя онъ познакомился съ рулеткой еще въ первую поездку, но остался тогда къ ней холоденъ. Только во время второго путешествія имъ овладѣваетъ настоящая игорная страсть, такъ ярко отразившаяся въ «Игроктѣ». Не слѣдуетъ ли искать и причины этой страсти въ обстоятельствахъ жизни Достоевскаго того времени?

Такимъ образомъ анализъ «Игрока» и изученіе биографическихъ фактовъ 1863 г. должны были рано или поздно поставить вопросъ о невыясненной тайнѣ въ жизни Достоевскаго того времени.

Счастливымъ случай привелъ меня уже въ 1918 г. къ неожиданному раскрытію этой тайны.

Мнѣ посчастливилось среди рукописей Академіи Наукъ найти дневникъ Аполлинаріи П. Сусловой, который проливаетъ совершенно новый свѣтъ на этотъ періодъ жизни Достоевскаго. Объ этомъ дневникѣ я уже сообщалъ въ печати¹⁾, по-

этому ограничусь здѣсь самымъ необходимымъ для пониманія дальнѣйшаго.

А. П. Сулова, родная сестра известной Надежды Сусловой-Эрисманъ, знакомится съ Достоевскимъ въ Петербургѣ. Это знакомство могло состояться на литературной почвѣ, ибо позже, при посредствѣ Достоевскаго, она печатаетъ нѣсколько своихъ повѣстей на страницахъ «Эпохи». Подписаны эти повѣсти сокращеніями «А. С-ва» и до послѣдняго времени никто не отхѣтилъ подлиннаго имени автора. А повѣсти и въ литературномъ отношеніи довольно удачны и стоили бы того, чтобы ихъ извлечь изъ «Эпохи», особенно теперь, когда имя автора приобрѣтаетъ интересъ въ связи съ жизнью Достоевскаго. Это объ одной изъ нихъ Достоевскій пишетъ дважды брату: «На дняхъ вышлю повѣсть А... Предупреждаю заранѣе для того, чтобъ ты, получивъ пакетъ съ моею подписью, не подумалъ, что моя повѣсть. Повѣсть же не хуже ея прежнихъ и можетъ идти» (письмо 9 апр. 1864 г. изъ Москвы) и вторично: «Повѣсть А. посылаю отдѣльно. Обрати вниманіе. Печатать очень можно» (письмо

287-291. Дневникъ А. П. Сусловой въ скоромъ времени появится въ П г. сб. «Достоевскій» п. р. А. С. Долинниа. Интересныя подробности о Сусловой, вышедшей позже замужъ за В. В. Розанова, см. въ ст. Л. П. Гроссмана «Одна изъ подругъ Достоевскаго» въ «Русск. Собр.» 1924 г., III, стр. 249-251.

1) См. «F. M. Dostojevsky a A. Suslova». — «Naše Doba», 1924, кн. XXXI, в. 5, стр.

13-14 апр. 1864 г. Москва. 1) Это знакомство, надо думать, скоро переносило въ близость.

Дневникъ застаетъ А. Суслову въ Парижѣ. Она здѣсь ведетъ обычный образъ жизни русской студентки: посѣщаетъ лекціи, музеи, встрѣчается съ русской и французской учащейся молодежью и политической эмиграціей; внѣшне ведетъ открытую свѣтскую жизнь. Душевная жизнь, однако, наполнена тревогой. Она поджидаетъ пріѣзда Федора Михайловича изъ Петербурга, но онъ не ѣдетъ, будучи занятъ литературными дѣлами и связанъ болѣзненно жены. Въ это время Сусллова знакомится съ молодымъ докторомъ-иностранцемъ (если мнѣ память не изменяетъ, испанцемъ). Въ этомъ человѣкѣ, насколько можно уловить по запискамъ дневника, рѣзко выражены черты мужчины, лишенаго духовныхъ качествъ, но, вопреки этому, пользующагося успѣхомъ у женщинъ. Какъ-то безотчетно, точно подъ гипнозомъ тянется къ нему заброшенная въ Парижъ, въ нездоровую атмосферу столицы міра, — Сусллова. Трудно проникнуть въ тайну ея переживаній, только къ моменту пріѣзда Достоевскаго въ Парижъ (авг. 1863 г.) А. Сусллова уже была близка другому. Она пыталась задержать пріѣздъ Достоевскаго, писала ему, что уже «поздно», но Достоевскій пріѣхалъ, ничего не зная о происшедшемъ. Во время тяжелаго свиданія послѣ пріѣзда, онъ узнаетъ все. Достоевскій пытается убѣ-

дить Суслову, что ея увлеченіе поверхностно, что это чисто чувственный порывъ и что ей надо немедленно уѣхать изъ Парижа. Къ этому времени назрѣваетъ въ душѣ Суслловой новый кризисъ: она убѣждается, что любимый ею докторъ, добившись ея близости, охладѣваетъ къ ней и начинаетъ избѣгать ея встрѣчъ. Въ ней задѣто чувство собственнаго достоинства, и она прозрѣваетъ; но чувство любви настолько сильно, что она не въ силахъ сразу оборвать эту связь. Тутъ она обращается снова къ Достоевскому. Во время новаго свиданія ему удается убѣдить ее ѣхать съ нимъ въ Италію, съ нимъ «въ качествѣ друга и брата».

Эта поѣздка вдвоемъ, съ любимой женщиной, еще полной переживаніями прошлаго, но невольно поддающейся и чувству красоты природы, и очарованію памятниковъ искусства, была для Достоевскаго и мукой и радостью. Въ Суслловой пробуждается новый приливъ жизни, чувство благодарности, чуть-чуть жалости, и прежняя любовь беретъ свое. Достоевскій выходитъ изъ неестественнаго положенія «друга и брата». Но между ними залегла глубокая трещина, которая чѣмъ дальше, тѣмъ больше даетъ себя знать.

У Суслловой отъ поры до времени прорывается еще не изжитое чувство страсти, пробужденное любовью доктора, а у Достоевскаго — чувство ревности къ этому прошлому и боязнь всякой новой встрѣчи на пути Суслловой. Все путешествіе проходитъ въ приливахъ и от-

1) Біопр. II, стр. 152 и 157.

ливахъ любви, но въ конечномъ результатѣ новое сближеніе съ Достоевскимъ оставляетъ въ душѣ Сусловой осадокъ, въ которомъ вначалѣ она сама не умѣетъ разобраться.

Достоевскому приходится думать о возвращеніи въ Россію, Сусловой — въ Парижъ. Они расстаются, и имя Достоевскаго все рѣже появляется на страницахъ ея дневника. На Достоевскаго по возвращеніи сыпятся удары за ударомъ. 16 апрѣля 1864 г. умираетъ жена. Несмотря на тяжесть обстановки, именно въ этотъ періодъ въ Достоевскомъ зарождается надежда на новую жизнь. Въ извѣстномъ письмѣ бар. А. Е. Врангелю отъ 31 марта-14 апр. 1865 г., въ которомъ онъ рассказываетъ о трагическихъ обстоятельствахъ этого времени, неожиданно въ концѣ появляется фраза: «А между тѣмъ все мнѣ кажется, что я только что собираюсь жить. Смѣшно, не правда ли? Кошачья живучесть». Прошелъ годъ со смерти жены, это могло дать Достоевскому надежду, что Суслова не откажется стать его женою. Однако, этой надеждѣ не суждено было осуществиться. Онъ, дѣйствительно, встрѣтился еще разъ съ Сусловой въ Петербургѣ и предложилъ ей стать его женою. Суслова отвѣтила отказомъ.

Такъ рисуется, въ общихъ чертахъ, этотъ романъ въ жизни Достоевскаго по дневнику Сусловой.

Опубликованныя позже (1920 г.) воспоминанія дочери Достоевскаго, Любови Федоровны, впервые освѣтили этотъ эпи-

зодъ въ печати. Какъ и вся книга, глава о Сусловой, которую она именуетъ «Студентка Паулина N» («Ein Liebesabenteurer») содержитъ цѣряду съ цѣнными біографическими подробностями, рядъ невѣрныхъ утверждений и весьма субъективную оцѣнку личности героини этого романа. И не имѣю возможности входить здѣсь въ рассмотрѣніе біографическихъ неточностей, тѣмъ болѣе, что многое до опубликованія переписки Достоевскаго съ Сусловой, которая по моимъ свѣдѣніямъ сохранилась, остается еще спорнымъ, но рѣшительно высказываюсь противъ характеристики, данной Сусловой въ книгѣ Л. Ф. Достоевской. Она рисуется ея рѣзко отрицательными чертами, изображая искательницей сильныхъ ощущений, чуть-ли не авантюристкой. Въ этой оцѣнкѣ, несомнѣнно, отразились настроенія Анны Григорьевны, весьма ревниво относившейся къ этому эпизоду жизни Достоевскаго. Отношенія Сусловой и Достоевскаго не были окончательно порваны еще и послѣ вторичной его женитьбы. Дневникъ А. Г. Достоевской за 1867 г. содержитъ рядъ указаній на то, что Достоевскій былъ съ Сусловой въ перепискѣ, которую онъ скрывалъ отъ жены¹). Понятно, что Анна Григорьевна видѣла въ Сусловой свою соперницу и отзывалась о ней очень рѣзко. Вѣроятно, Анна Гр. сумѣла и дочери внушить свое отношеніе

1) См. «Дневникъ А. Г. Достоевской», стр. 28, 41, 48, 85, 86, 101.

къ Сусловой. Въ опроверженіе этой оцѣнки я приведу только нѣсколько отрывковъ изъ со-всѣмъ недавно опубликованнаго, пока единственно известнаго, письма Достоевскаго къ Сусловой, писаннаго именно въ этотъ первый годъ женитьбы Достоевскаго на Аннѣ Григорьевнѣ (изъ Дрездена, 23 апр.—5 мая 1867 г.):

«Письмо твое, милый другъ мой, передали мнѣ у Базунова очень поздно, предъ самымъ выѣздомъ моимъ за границу, а такъ какъ я спѣшилъ ужасно, то и не успѣлъ отвѣчать тебѣ... Стало быть, милая, ты ничего не знаешь обо мнѣ, по крайней мѣрѣ ничего не знала, оставляя письмо свое. Я женился въ февралѣ нынѣшняго года... (далее идетъ известный рассказъ о приглашеніи стенографистки для работы надъ «Игрономъ»). «Стенографка моя, Анна Григорьевна Сниткина, была молодая и довольно пригожая дѣвушка, 20 лѣтъ, хорошаго семейства, превосходно кончившая гимназическій курсъ, съ чрезвычайно добрымъ и яснымъ характеромъ... При концѣ романа, я замѣтилъ, что стенографка моя меня искренно любить, хотя никогда не говорила мнѣ объ этомъ ни слова, а мнѣ она все больше и больше нравилась. Такъ какъ со смертью брата мнѣ ужасно скучно и тяжело жить, то я и предложилъ ей за меня выйти. Она согласилась, и вотъ мы обѣнчаны. Развила въ лѣтахъ ужасная (20 и 44), но я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что она будетъ счастлива. Сердце у ней есть и любить она умѣетъ... Твое пись-

мо оставило во мнѣ грустное впечатлѣніе. Ты пишешь, что тебѣ очень грустно. Я не знаю твоей жизни за послѣдній годъ и что было въ твоёмъ сердцѣ, но судя по всему, что о тебѣ знаю, тебѣ трудно быть счастливой. О милая, я не къ дешовому *необходимому* счастью приглашаю тебя. Я уважаю тебя (и всегда уважалъ) за твою требовательность, но въды я знаю, что сердце твое *не можетъ* не требовать жизни, а сама ты людей считаешь или безконечно сіяющими или тотчасъ же поднецами и пошляками. Я сужу по фактамъ. Выводъ составь сама. До свиданія, другъ вѣчный... Прощай, другъ мой, жму и цѣлую твою руку»¹⁾.

За послѣднее время опубликовано еще нѣсколько писемъ Достоевскаго, дающихъ рядъ цѣнныхъ вѣриховъ къ психологическимъ переживаніямъ его во время этого знаменательнаго путешествія вдвоемъ съ Сусловой. Къ сожалѣнію я вынужденъ ограничиться сейчасъ этими бѣглыми чертами. Думаю, сказанное даетъ представленіе объ обстановкѣ, въ которой была задумана «Игротка».

2

Если оставить въ сторонѣ бытвой (описаніе рудетки —

1) Письмо опубликовано въ сб. «Недра», кн. 2 (Москва, 1923 г.), стр. 271-273. Оно сохранилось въ копіи въ архивѣ В. А. Гольцева, гдѣ и найдено еще въ 1913 г. Н. С. Клестьевымъ.

своего рода ада, своего рода каменной «бани») и публицистический элемент (тема о заграничных русских), то «Игрокъ» былъ задуманъ, какъ трагедія страсти. Не случайно Достоевскій вспомнилъ, въ связи съ «Игрокомъ» — «Скупого Рыцаря» Пушкина. Герой повѣсти игрокъ, и не простой игрокъ — такъ же, какъ скупой рыцарь Пушкина не простой скупяга... Онъ поэтъ въ своемъ родѣ, но дѣло въ томъ, что онъ самъ стыдится этой поэзіи, ибо глубоко чувствуетъ ея низость, хотя потребность риска и облагораживаетъ его въ глазахъ его самого...1).

Думаю, что при творческой работѣ надъ «Игрокомъ» въ него неизбежно влились сюжетныя и психологическія реминисценціи другого пушкинскаго произведенія, «Июковой Дамы». На это, помимо общности темы, наводятъ нѣкоторыя детали обоихъ произведеній. Основная страсть — игра — увлекаетъ въ свой изничтожающій кругъ у Пушкина: Германа, Лизу и Графиню. У Достоевскаго сходное планированіе при извѣстной близости психическихъ чертъ одного лица («бабушка» — самодурство). Не является-ли и М-ръ Астлей творческимъ развитіемъ эпизодическаго англичанина, которому близкій родственникъ покойной графини во время ея похоронъ шепнулъ на ухо, что Германъ «ся побочный сынъ», на что «англичанинъ отвѣчалъ

хладно: Oh!>? Я не придаю большого значенія этимъ сопоставленіямъ съ «Июковой Дамой», но все же считаю не безцельнымъ для моихъ дальнѣйшихъ выводовъ указать на возможность у Достоевскаго такихъ реминисценцій.

Романъ, задуманный какъ трагедія страсти на общепсихологической основѣ, позже заполнился у Достоевскаго инымъ чисто личнымъ содержаніемъ.

Спустя три года, въ иныхъ условіяхъ, Достоевскій захотѣлъ въ «Игрокѣ», можетъ быть невольно, подвести итоги тому періоду своей жизни, который былъ заполненъ для него страстью любви и игры. И тутъ у него является иное построение сюжета, хотя оно страннымъ образомъ примыкаетъ къ одной психологической формулѣ Пушкина. Въ «Июковой Дамѣ» основная страсть игрока дѣлаетъ недоступной душѣ другія чувства — Германъ пользуется Лизой только, какъ средствомъ, чтобы вывѣдать тайну графини. Достоевскій выдвигаетъ на первое мѣсто *любовь*, игра только средство, только способъ, который долженъ дать счастье любви. У Пушкина глава VI-я начинается слѣдующей мыслью: «Двѣ неподвижныя идеи не могутъ вмѣстѣ существовать въ нравственной природѣ, такъ же какъ два тѣла не могутъ въ физическомъ мірѣ занимать одно и то же мѣсто». Въ «Игрокѣ» дано разительное развитіе этой пушкинской формулы. Алексѣю Ивановичу надо выиграть, ибо это его единственный исходъ. Онъ говоритъ Пелинѣ: «съ деньгами я стану и для Васъ дру-

1) См. письмо къ Н. Н. Стравову изъ Рима, 18-30-IX-1863 г. Биограф. I, стр. 261.

гимь человекѣкомъ, а не работѣ». Онъ подпадаетъ соблазну идеи: *внѣшнимъ путемъ*, внезапно разбогатѣвъ, *измѣнить внутреннїя глубинныя отношенїя* свои къ Полинѣ. Недаромъ Полина, съ ея чутьемъ, воспринимаетъ эту мысль, какъ оскорбленїе, какъ намѣренїе «купить ее деньгами». На этой почвѣ развивается трагедїя «Игрока». Страсть игры призвана на службу страсти любви. Идея, соединенная съ сильнымъ страстнымъ желанїемъ, не можетъ не реализоваться въ дѣйствительности. Страстная мечта осуществляется полностью. Но эта осуществленная мечта только кажушееся достиженїе. Для міра внутренняго — это катастрофа. Полина сама приходитъ къ Алексѣю Ивановичу въ поиски нравственной опоры. Но тутъ «дикая мысль блеснула» въ его головѣ. Онъ бросился въ игорный домъ, чтобы «въ одну часъ» отвоевать у судьбы то счастье, которое уже было въ сущности у него въ рукахъ. Напрасно Полина крикнула ему что-то вслѣдъ, онъ не воротился: «Двѣ неподвижныя идеи не могутъ вмѣстѣ существовать въ нравственной природѣ». Страсть игры овладѣваетъ душою настолько, что становится изъ средства самоцѣлю. Душой «овладѣваетъ ужасная жажда риску», «перейдя черезъ столько ощущенїй, душа не насыщается, а только раздражается и требуетъ ощущенїй еще, все сильнѣй и сильнѣй, до окончательнаго утомленїя». Образъ Полины отбѣсняется все болѣе и болѣе на второй планъ. Въ ослѣпленїи уснѣха, игрокъ

«не помнитъ, подумалъ ли онъ въ то время хоть разъ о ней». Обладатель огромнаго выигрыша, онъ теперь почувствовалъ себя побѣдителемъ, рѣшилъ, что онъ «далъ щелчекъ» судьбѣ, столь долго надъ нимъ издѣвавшейся. Нагруженный золотомъ, онъ бѣжитъ къ Полинѣ, которая ждетъ его цѣлыхъ полтора часа въ его комнатѣ. «Мелькалъ передо мной и образъ Полины: я помнилъ и сознавалъ, что иду къ ней, сейчасъ съ ней сойду и буду ей рассказывать, покажу... Но я уже едва вспомнилъ о томъ, что она мнѣ давеча говорила, и зачѣмъ я пошелъ, и всѣ тѣ недавнїя ощущенїя, бывшія всего полтора часа назадъ, казались мнѣ уже теперь чѣмъ то давно прошедшимъ, исправленнымъ, устарѣвшимъ — о чемъ мы уже не будемъ болѣе помнить, потому что теперь начнется все сызнова...». Съ тѣхъ поръ какъ онъ дотронулся до игорнаго стола «его любовь отступила какъ-бы на второй планъ», сознается позже Алексѣй Ивановичъ самъ себя. Всей оскорбительности для Полины этого положенїя онъ не чувствовалъ еще, хотя и замѣтилъ въ ней огромную переменъ: «Странно какъ-то было выраженїе ея лица; не понравилось мнѣ это выраженїе! Не ошибусь, если скажу, что въ немъ была ненависть». Но высшаго напряженїя трагедїя достигаетъ позже. Полина въ полубредовомъ состоянїи остается у Алексѣя Ивановича, а онъ въ ослѣпленїи принимаетъ это за осуществленїе мечты о счастья. Онъ «зналъ, что она въ бреду и...

не обратилъ вниманіе на это обстоятельство». Расплата наступаетъ скоро. Наутро Полина швырнула ему въ лицо пятьдесятъ тысячъ флориновъ и навсегда ушла отъ него. Такъ кончается трагедія любви. Страсть игры заслонила живую человѣческую душу, и расплата наступила съ роковой неизбежностью. Душа осталась безраздѣльно во власти одной страсти, отъ которой уже нѣтъ излѣченія. Не потому-ли что ощущенія ея такъ тѣсно въ прошломъ спаяны съ единственно подлинно облагораживающей, но и исненяющей на огнѣ своемъ, страстью любви.

3

Такъ рисуется мигъ внутренней замысли «Игрока» Достоевскаго. Не трудно, при такомъ пониманіи, за объективной темой психологическаго романа прощупать интимныя нити личной жизни Достоевскаго.

Вспомнимъ, что Сусллова только недавно пережила свою трагедію, во многомъ напоминающую отношенія Полины къ французу Де-Грие. Переходъ отъ страстной любви къ страстной ненависти никогда не значитъ вытѣсненіе одной страсти другой. Разрывъ Сусловой съ докторомъ не убилъ въ ней любви къ нему. Въ состояніи, близкомъ къ отчаянію, она обращается къ Достоевскому, ожидая отъ него нравственной поддержки. Подобно Полинѣ, она сама приходитъ къ нему, и соглашается ѣхать съ нимъ въ Италію. Достоевскій, однако, не выдерживаетъ положенія

«друга и брата», въ какое онъ себя добровольно поставилъ. Создаются мучительныя отношенія, при которыхъ у Сусловой рождается къ Достоевскому временами чувство близкое къ ненависти. Къ этой внутренней трагедіи примѣшиваются чисто внѣшнія обстоятельства, еще болѣе усложняющія взаимоотношенія. Въмѣсто поэтическаго путешествія, когда такъ соблазнительна мечта внѣшними удобствами и разнообразіемъ впечатлѣній затѣчь рану любимаго человѣка, вмѣсто этого... безобразное безденежье, при которомъ остается ощущеніе «гадости». Изъ Турина, 8-20 сент. 1863 г. Достоевскій пишетъ брату: «О физическихъ нашихъ страданіяхъ говорить нечего. Ихъ и не было, но каждую минуту мы дрожали, что подадутъ счетъ изъ отеля, а у насъ ни копѣйки, — спалдакъ, полиція... гадость! Часы заложены въ Женевѣ одному дѣйствительно благородному человѣку. Даже прогнать не взялъ, чтобъ одолжить иностранца, но далъ пустяки. Теперь выкупать не буду, деньги нужны; она кольцо заложила...»¹⁾ Въ такой обстановкѣ не могло быть счастья... «Случно ужасно, несмотря на А. П.», пишетъ онъ брату. А позади — все, съ чѣмъ связана была жизнь, все это брошено и оборвано. Умиравшая жена, любимая литературная работа, журналъ, оставленный на брата, въ самую сложную минуту. «Тутъ и счастье: принимаешь

1) «Русскій Современникъ», 1924. I, стр. 181.

тяжело, потому что отделился от всѣхъ, кого до сихъ поръ любилъ, и по комъ много разъ страдалъ. Искать счастья, бросивъ все, даже то, чему могъ быть полезнымъ, — эгоизмъ, и эта мысль отравляетъ теперь мое счастье (если только есть оно въ самомъ дѣлѣ)». И какъ объяснить власть надъ собою этой страсти, которая вдругъ закружила, захватила въ свой круговоротъ. Отсюда острота проблемы «рабства» въ «Игроуѣ». Любить до сумасшествия, вмѣстѣ почти невозможное — любить съ каждымъ днемъ все больше, любить до жажды изуродовать, задушить и вмѣсто отъитной любви чувствовать у любимой зародившее ненависти. Все это ложилось тяжелымъ осадкомъ на душу. Главное же загадка предпочтенія любимой женщиной, рабомъ которой онъ себя сознавалъ, ничтожного, пошлаго и бездушнаго доктора-иностранца. И при этомъ ежечасно сознавать, что чувство это не убито, а готово всякую минуту вспыхнуть съ новой силой. Проблема двойного рабства необычайно остро переживалась Достоевскимъ, еще недавно бывшимъ въ положеніи раба рабыни. «Всѣ женщины таковы!», восклицаетъ Алексѣй Ивановичъ, «и самыя гордыя изъ нихъ — самыя пошлыми рабами и выходятъ! Полина способна только страстно любить и больше ничего. Вотъ мое мнѣніе о ней. Поглядите на нее, особенно когда она сидитъ одна, задумавшись: это что-то предназначенное, приговоренное, проклятое. Она способна

на всѣ ужасы жизни и страсти...» (гл. VIII).

Понятно, почему съ такой напряженностью въ «Игроуѣ» герой ея бьется надъ разрѣшеніемъ загадки любви Полины къ Де-Гриѣ. Это не отвлеченная художественная проблема, поставленная Достоевскимъ, а попытка осмыслить лично выстраданную трагедію.

«Полина и Де-Гриѣ. Господи, какое сопоставленіе!» (гл. XII), и это сопоставленіе Достоевскій мучительно пытается разрѣшить.

Въ отвлеченной постановкѣ эта проблема замѣняется инымъ сопоставленіемъ: «француза и русской барышни». Но вся страстность личной проблемы сохраняется въ нервно-приподнятомъ стилѣ этого разсужденія. «Французъ и русская барышня... Это такое сопоставленіе, мистеръ Астлей», говорить уже послѣ катастрофы Алексѣй Ивановичъ, «которое не намъ съ вами разрѣшить или понять окончательно» (гл. XVII). И дальше идетъ страстное, архитектурно испомѣрно разросшееся разсужденіе о французѣ, какъ законченной, красивой формѣ, которую русская барышня «принимаетъ за его собственную душу, за натуральную форму его души и сердца, а не за одежду, доставшуюся ему по наслѣдству». Только личными переживаніями можно объяснить себѣ ту страстность, съ которой Достоевскій въ «Игроуѣ» подводитъ итоги этому мучительному сопоставленію. «Миссъ Полинѣ же, — простите, сказаннаго не воротить!»; говорить Алексѣй Ива-

новичъ Астлею, «нужно очень, очень долгое время рѣшаться, чтобы предпочесть васъ мерзавцу Де-Гриэ. Она васъ и офѣнитъ, станетъ вашимъ другомъ, откроетъ вамъ все свое сердце; но въ этомъ сердцѣ все таки будетъ царить ненавистный мерзавецъ, скверный и мелкій процентщикъ Де-Гриэ. Это даже останется, такъ сказать, изъ одного упрямства и самолюбія, потому что этотъ же самый Де-Гриэ явился ей когда-то въ ореолѣ изящнаго маркиза, разочарованнаго либерала и разорившагося (будто-бы?), помогая ей семейству и легкомысленному генералу. Всѣ эти продѣлки открылись послѣ. Но это ничего, что открылись: все таки подавайте ей теперь прежняго Де-Гриэ, вотъ чего ей надо! И чѣмъ больше ненавидитъ она перерешаго Де-Гриэ, тѣмъ больше томсууетъ о прежнемъ, хотя прежній и существовалъ только въ ея воображеніи».

Запутавшись въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ внутреннихъ отношеній, Достоевскій, подобно Алексѣю Ивановичу, подпадаетъ соблазну разрѣшить ихъ измѣненіемъ вѣшняго своего положенія. Морально угнетало больше всего безденежье, то унижительное состояніе, при которомъ на каждомъ шагѣ человѣкъ ощущаетъ оскорбленіе своего достоинства. Достоевскій тогда прибѣгаетъ къ русскому способу разбогатѣть, къ игрѣ, тѣмъ болѣе, что ему въ прошлое путешествіе счастье улыбнулось. Такъ соблазнительна была мысль: однимъ оборотомъ колеса разрѣшить

всѣ трудности. — «Я знаю только, что мнѣ надо выиграть, что это... единственный мой исходъ», говоритъ Алексѣй Ивановичъ. «А мнѣ надо деньги, для меня, для тебя, для жены, для написанія романа», пишетъ Достоевскій брату въ объясненіе своего увлеченія рулеткой. «Съ деньгами я стану и для васъ другимъ человѣкомъ»; можетъ быть въ этихъ словахъ Алексѣя Ивановича отразилось и настроеніе Достоевскаго въ то время, когда безвыходное безденежье такъ осложняло внутреннюю трагедію.

Случился «мятежъ страстей». Достоевскій проигрывается окончательно. Онъ мечется въ поискахъ денегъ. И безъ того трудное положеніе еще болѣе запутывается.

«Какъ можно играть до тла, путешествуя съ тѣмъ, кого любишь?», спрашиваетъ братъ Достоевскаго въ письмѣ къ нему того времени. И въ отвѣтъ на это Достоевскій описываетъ въ очень близкихъ тонахъ къ «Игроку» свое увлеченіе рулеткой, въ сущности не давая отвѣта на поставленный вопросъ. «Ты пишешь, какъ можно играть до тла, путешествуя съ тѣмъ, кого любишь. Другъ Миша: я въ Висбаденѣ создалъ систему игры, употребилъ ее въ дѣло и выигралъ тотчасъ же 10.000 франковъ. На утро измѣнилъ этой системѣ, разгорячившись, и тотчасъ-же проигралъ. Вечеромъ возвратился къ этой системѣ опять, со всею строгостью, и безъ труда и скоро выигралъ опять 3.000 франк. Скажи: послѣ этого, какъ было

не увлечься, какъ было не повѣрить — что слѣдуй я строго моей системѣ и счастье у меня въ рукахъ. А мнѣ надо деньги, для меня, для тебѣ, для жены, для написанія романа. Тутъ шутя выигрываются десятки тысячъ. Да, я ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы всѣхъ васъ спасти и себя отъ бѣды выгородить. А тутъ идобавокъ вѣра въ систему. А тутъ вдобавокъ, пріѣхавъ въ Баденъ, подошелъ къ столу и въ четверть часа выигралъ 600 франковъ. Это раздражило. Вдругъ пошелъ терять и уже не могъ удержаться и проигралъ все до тла. Послѣ того, какъ тебѣ послалъ изъ Бадена письмо, взялъ *последнія* деньги и пошелъ играть; съ 4-хъ наполеоновъ выигралъ 35 наполеоновъ въ полчаса. Необыкновенное счастье увлекло меня, рискнулъ этими 35 и всѣ 35 проигралъ. За уплатой хозяйкѣ у насъ осталось 6 наполеондоровъ на дорогу. Въ Женевѣ часы заложилъ...»¹⁾

Эта страничка недавно только ставшаго извѣстнымъ письма Достоевскаго точно вырвана изъ тѣхъ «замѣтокъ» герон «Игрока», въ которыхъ онъ рассказываетъ о своей игрѣ. Характерна и та непроясненность сознанія, еще сплошь эмоционально окрашенная передача событий, безъ всякой попытки поставить ихъ во взаимную связь. При такомъ душевномъ состояніи отвѣтъ на вопросъ: «какъ можно играть до тла, путешествуя съ

1) Изъ письма отъ 8-20-IX-63 г. изъ Турина. — Русск. Совр. 1924, I, стр. 182.

тѣмъ, кого любишь?», еще не могъ быть данъ.

4

Отвѣтъ этотъ былъ данъ позже въ «Игрокъ».

Подобно Алексѣю Ивановичу, Достоевскій, уже послѣ катастрофы, подводилъ итоги самаго бурнаго періода своей жизни. Мы знаемъ, что въ 1863 г. «Игрокъ» былъ только записанъ «на клочкахъ» (письмо къ Н. Н. Страхову 18-30-IX-1863). Намъ неизвѣстна форма, въ которую были обмечены эти первоначальныя записи. Вторично Достоевскій вернулся къ «Игроку» въ февраль-апрѣль 1864 г. и только въ третій разъ, въ октябрѣ 1866 г., ему удалось довести работу до конца¹⁾. Интересно, что по формѣ своей «Игрокъ» отражаетъ эту сторону творческой исторіи романа.

Вначалѣ (гл. I-XII) онъ ведется въ видѣ «замѣтокъ», записанныхъ на отдѣльныхъ «листочкахъ» подъ влияніемъ непосредственныхъ впечатлѣній «хотя безпорядочныхъ, но сильныхъ»²⁾. Заглавъ (начиная съ

1) См. Биографія I, 261, 291-292.

2) Въ письмѣ къ Н. Н. Страхову отъ 18-30-IX-1863 г. Д. пишетъ о замыслѣ «Игрока»: «Теперь готового у меня нѣтъ ничего. Но составилъ довольно счастливый (какъ самъ сужу) планъ одного разсказа. *Большую частью онъ записанъ на клочкахъ*... Гл. XIII «Игрока» начинается такъ: «Вотъ ужъ почти цѣлый мѣсяць прошелъ».

гл. XIII) дневникъ переходитъ въ «записки», за которыя авторъ берется спустя мѣсяць послѣ катастрофы. Послѣдняя же глава только внѣшнее еще носить форму воспоминаній, записанныхъ годъ восемь мѣсяцевъ спустя. Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ троекратный приступъ къ закрѣпленію событій личной жизни въ формѣ дневника — воспоминаній.

Осмыслить этотъ періодъ своей жизни Достоевскій не могъ сразу, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій. Нужно было подойти къ тому «переломному» періоду, когда остро сознание крушенія прошлого и — смутны еще предощущенія неизвѣстнаго будущаго¹⁾. Подвести итоги этому прошлому значило проложить пути будущему.

Достоевскій не любилъ раскаиваться въ своемъ прошломъ. Очень характерно въ этомъ отношеніи одно мѣсто въ его письмѣ къ Тургеневу, ставшемъ извѣстнымъ недавно. Онъ въ немъ говоритъ о встрѣчахъ съ нимъ въ Баденѣ, гдѣ Достоевскій былъ съ Суловой. «Въ Баденѣ видѣлъ Тургенева», пишетъ онъ брату. «И я былъ у него два раза и онъ былъ у меня. Тургеневъ А. П. не ви-

какъ я не притрогивался къ этимъ замѣткамъ моимъ, начатымъ подъ вліяніемъ впечатлѣній, хотя и безпорядочныхъ, но сильныхъ... Я собралъ и перечелъ мои листки...» (курсивъ мой. А. Б.).

1) Достоевскій самъ приурочилъ «переломный» періодъ своей жизни ко времени послѣ смерти жены; въ письмѣ къ

дѣль. Я открыл... 1). Эти встрѣчи въ Баденѣ оставили, видно, тягостное впечатлѣніе у Достоевскаго. «Я еще въ Петербургѣ рѣшилъ быть въ Баденѣ (но не затѣмъ, затѣмъ я приѣзжалъ), а чтобы видѣть (ся) и говорить съ Вами», пишетъ онъ Тургеневу. «И знаете что: мнѣ многое надо было сказать Вамъ и выслушать отъ Васъ. Да у насъ какъ то это не вышло. А сверхъ того вышелъ проклятый «мятежъ страстей». Если бы я не надѣялся сдѣлать что нибудь поумнѣе въ будущемъ, то право теперь было бы очень стыдно. А въ прочемъ что же? Неужели у себя прощенья просить?»²⁾ (Послѣднія строки невольно хочется сопоставить съ однимъ мѣстомъ «Игрока». «Я просто сгубилъ себя», говоритъ Алексѣй Ивановичъ послѣ катастрофы, но тутъ же прибавляетъ: «Впрочемъ не съ чѣмъ почти и сравнивать, да и нечего себя мораль читать. Ничего не можетъ быть недѣлѣе морали въ такое время» (гл.

бар. Врангелю отъ 31-III-14-IV 1865 г. онъ пишетъ: «И вотъ я остался вдругъ одинъ и стало мнѣ просто страшно. *Вся жизнь переломилась на двое*. Интересно, что въ гл. XVI «Игрока» Алексѣй Ивановичъ записываетъ: «Жизнь переламывалась на двое, но со вчерашняго дня и ужъ привыкъ все ставить на карту...» (курсивъ мой. А. Б.).

1) Письмо изъ Туринна, 8-20-IX-63 г. «Русск. Соврем.» 1924 г. I, стр. 183.

2) Письмо изъ Туринна, 18 апр. 1863 г. «Rev. des ét. sl.», 1921, 1-I-II, 127.

XVII). Раскаianie для Достоевскаго не нуть преодоленія прошлаго. Это преодоленіе даётся ему путемъ творческаго преображенія.

Въ короткое время было пережито сншкомъ много. Пронесся вихрь, закружилъ въ своемъ круговоротѣ и выбросилъ безпомощнымъ и разбитымъ. «Мнѣ все кажется порой», говоритъ герой «Игрока», что я все еще кружусь въ томъ же вихрѣ, и что вотъ-вотъ опять промчится эта буря, захвативъ меня мимоходомъ своимъ крыломъ, и я выскочу опять изъ порядка и чувства мѣры, и закружусь, закружусь, закружусь...». Но онъ знаетъ, какъ можно преодолѣть хаосъ. «Впрочемъ, я, можетъ быть, и установлюсь какъ нибудь и перестану кружиться, если дамъ себѣ, по возможности точный отчетъ во всемъ приключившемся». Дать себѣ отчетъ во всемъ приключившемся, вотъ путь преодоленія хаоса. Но этотъ путь уже закрытъ для игрока. Тщетно онъ пытается осмыслить происшедшее. Стихія захлестнула его, и онъ навсегда осужденъ быть рабомъ игорной страсти. У Достоевскаго былъ однако одинъ великій цѣлительный даръ — его творческій геній. Въ уже упоминавшемся письмѣ къ Сусловой онъ самъ говоритъ о творествѣ, какъ преодоленіи жизненной катастрофы. «Со смертью брата, который былъ для меня все, мнѣ стало очень тошно жить. Я думала еще найти сердце, которое бы отозвалось мнѣ, но — не нашлось. Тогда я бросилась въ работу и началъ пи-

сать романъ». Это было — «Преступленіе и наказаніе».

Параллельно могъ идти и творческій процессъ осмысливанія своего недавняго крушенія.

Работа надъ «Игрокомъ», который надо было спѣшно сдать Стелловскому по договору, случайно привела къ встрѣчѣ со «стенографкой». По мѣрѣ того, какъ подвигалось впередъ послѣднее оформление романа, принимала реальное очертаніе и мечта о «новой жизни». А. Г. Достоевская въ своихъ воспоминаніяхъ о времени работы надъ «Игрокомъ» передаетъ чрезвычайно цѣнный для насъ разговоръ свой съ Достоевскимъ.

«Расскажите мнѣ лучше о своемъ счастьѣ, какъ вы были счастливы?», обращается къ нему стенографистка въ перерывѣ между работой.

— «О своемъ счастьѣ? Да счастья у меня не было, я все ждущу его. Недавно я написалъ моему другу барону Врангелю, что несмотря на всѣ постигшія меня горести, я мечтаю о счастьѣ, мечтаю начать новую жизнь»¹⁾.

1) Загадочнымъ здѣсь является указаніе на письмо бар. Врангелю. Достоевскій несомнѣнно имѣеть въ виду извѣстное письмо отъ 31-III—14-IV-1865 г. (Биогр. I, 277-283), въ которомъ онъ подводитъ итоги этого періода. Но въ такомъ случаѣ, какъ объяснить, что, по словамъ Достоевскаго, письмо послано «недавно». Разговоръ происходилъ въ первыхъ числахъ октября 1866 г., слѣдовательно, со времени написанія письма Врангелю прошло полтора года.

Мечта о новой жизни все больше связывалась съ мыслью о женитьбѣ и семьѣ. «Разъ Ф. М. сказалъ мнѣ», продолжала Анна Григорьевна, «что онъ стоитъ на рубежѣ, что ему предстоятъ три рѣшенія: или онъ поѣдетъ на Востокъ, въ Константинополь и Иерусалимъ, и можетъ быть тамъ останется, или онъ женится, или поѣдетъ на рулетку и сдѣлается игрокомъ. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ его очень заботитъ, и онъ спрашиваетъ, что для него будетъ лучше. Я отвѣтила, что если ему придется сдѣлать выборъ между этими тремя рѣшеніями, то лучше выбрать женитьбу. «А вы думаете, я могу жениться? Пожалуй, Вы думаете, что за меня никто не пойдетъ. Но кого же мнѣ выбрать: умную или добрую?» — «Конечно умную», отвѣчала я. — «Нѣтъ, ужъ если выбирать, то возьму добрую, чтобъ любила и жалѣла меня» — сказалъ Ф. М.»¹⁾

Вопросъ личный былъ рѣшенъ. Выбрана была *добрая*. Впрочемъ *умную* выбирать не приходилось — она сама не захотѣла «этого необходимаго дешеваго счастья». Да и дать его она не могла, ибо соединеніе двухъ столь хаотичныхъ въ основѣ своей натуръ, какъ Сулова и Достоевскій, неизбежно вело къ катастрофѣ. Но, чтобы начать новую жизнь, надо было отдѣлаться отъ прошлаго, творчески осмыслить и тѣмъ преодолѣть его. Такимъ творческимъ преодоленіемъ и былъ «Игрокъ».

1) Цитирую по перепечаткѣ «Руля» (22-VIII-1923) изъ «Историческаго Архива».

«Какъ можно играть до тла, путешествуя съ тѣмъ, кого любишь?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ теперь былъ данъ. Страсть любви вызвала къ жизни страсть игры. Хаосъ рождаетъ хаосъ. Безумная идея, однимъ оборотомъ колеса, безъ внутренняго преображенія, овладѣть счастьемъ, — ведетъ къ катастрофѣ. Игрокъ погружается навсегда въ эту стихію хаоса, ибо не можетъ осмыслить происшедшаго. Достоевскій находитъ выходъ, преодолевая прошлое въ своемъ творствѣ. Но послѣдствіе этого прошлаго осталось. Онъ не разъ еще пыталъ счастье — и снова и снова игралъ до тла. Жуткія подробности этого погруженія въ стихію страсти мы находимъ въ дневникѣ А. Г. Достоевской за 1867 г. Чѣмъ объяснить эту страсть Достоевскаго? Не тѣмъ ли что слишкомъ дороги были воспоминанія прошлаго? «Точно ужъ такъ дорогъ мнѣ этотъ безобразный сонъ и все оставшія по немъ впечатлѣнія, что я даже боюсь дотронуться до него чѣмъ нибудь новымъ, чтобъ онъ не разлетѣлся въ дымъ? Дорого мнѣ это все такъ, что-ли?», спрашиваетъ себя игрокъ послѣ крушенія, и самъ же себѣ отвѣчаетъ: «Да, конечно, дорого; можетъ и черезъ сорокъ лѣтъ вспоминать буду».

Дорогъ былъ и Достоевскому «безобразный сонъ» и приобщеніемъ къ испытанному хаосу игры онъ воскрешалъ въ себѣ мучительныя, но въ мучительности дорогія воспоминанія о недавнемъ прошломъ.